

О ФЕНОМЕНЕ МИСТЕРИАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

**(Проскурина Е.Н. Поэтика мистериальности в прозе Андрея
Платонова конца 20-х — 30-х годов. Новосибирск, 2001)**

Монография Е.Н. Проскуриной открывает новый взгляд на вершинное произведение А. Платонова — повесть «Котлован». И это в то время, когда о ней уже написаны отдельные главы в серьезных трудах, опубликованы десятки статей, касающихся самых разных ее сторон. В качестве ведущего аспекта исследования автором книги о «Котловане» избирается мифопоэтика — сравнительно молодая область платоноведения, оказавшаяся на редкость продуктивной. В частности, в достаточно близком от нас времени предпринимались заслуживающие внимание попытки изъяснения художественной значимости повести в соотнесенности со сказкой, мифом, мистерией (В. Скобелев, А. Минакова, Ю. Пастушенко, Е. Касаткина). Однако и данные работы не поколебали укоренившейся прежде убежденности в «беспросветности» повести, ее «безысходном трагизме».

Основанием принципиально иного понимания «Котлована» стали открытые Е.Н. Проскуриной новые семантические пласты текста. Их выявление оказалось возможным благодаря иному, по сравнению с уже намеченными в науке о Платонове, ракурсу осмысления мистериальности. Он связан «не столько с жанром, сколько со значением мис-

терии как онтологического таинства, ... соотнесенного с преодолением смерти» (З), а значит — попыткой прорыва в ино-бытийный эон существования.

Онтологический «градус» платоновского интереса к мистерии отмечался и ранее (Н.М. Малыгина, Н.П. Хрящева), но только в рецензируемой книге он оказался глубоко и всесторонне рассмотренным в плане его художественной функции. Е.Н. Проскурина доказала, что Платонов вглядывается в строительство нового мира, символом которого является возведение общепролетарского дома, изнутри тех ценностных ориентиров — Священного Писания и Священного Предания, — которые несут истинное знание о мироустройстве. Для этого ей пришлось преодолеть инерцию некорректности прямого разворачивания библейских контекстов и параллелей (достаточно вспомнить давний неудачный дебют В. Турбина, пытавшегося доказать мистериальность «Джан») по отношению к тексту писателя, внешне отказывавшегося от веры в Бога. Более того, полнота и обстоятельность аргументации позволили исследователю сказать свое слово о месте религии и веры в мировоззрении Платонова.

Редкой чуткостью к тексту отличается оптимально выбранный

для поставленной задачи мотивно-структурный анализ повести. Детально исследуя комплексы мотивов, их сюжетную организацию, автор монографии открывает присутствие в «Котловане» двух разнонаправленных и взаимоисключающих друг друга сюжетов: эмпирического, непосредственно организующего текст повести, и внутреннего, потаенного, «мерцающего» сводом деталей и намеков.

Уверенно развернув аналогии между первоисточником мифом и платоновским текстом, Е.Н. Проскурина показала, что основным принципом первого сюжета является инверсия: несмотря на соблюдение мифического ритуала и «энтупизиастическое» качество труда строителей, художественный космос «Котлована» по мере развития действия становится все более пустым, омертвелым и мрачным. Своеобразным идентификатором инверсионной картины мира стал изящно «реконструированный» ученым древний сюжет о договоре человека с дьяволом. Обнаружение инверсионной картины мира позволило исследователю сделать принципиальный вывод: изначальная причина «обреченности на обратный результат» в том и состоит, что сотворение нового мира в «Котловане» «ориентировано исключительно на антропокосмическую саморегуляцию, представляющую человека безальтернативным центром Вселенной, <...> что приводит к утрате важнейшей

онтологической составляющей — одухотворенности» (173-174). Суть данной онтологической деформации великолепно продемонстрирована на анализе мотива «вещества». «Вещество» есть символ «недовоплощенности», «предтечи вещи», ибо «в платоновском художественном космосе отсутствует оживляющее действие духа» (33). Это наблюдение вносит существенные коррективы в устоявшееся в платоноведении толкование одного из самых частотных в творчестве писателя образов-символов.

Организирующим принципом второго сюжета является мистериальность. Ее художественная функция заключается в выявлении надежды на исход из тупика, «открытии жизненных перспектив мира». Аналитическое внимание оказывается сосредоточенным на формах художественной выраженности мистериального сверхсмысла бытия в «Котловане». Прежде всего, исследователь вглядывается в трансформацию Платоновым классической оппозиции: жизнь — смерть. Полнота и тщательность проведенных наблюдений, чему немало способствовала глубина понимания автором монографии сакральных текстов, убедительно показали мистериальное понимание Платоновым данной оппозиции. О «Котловане» уже невозможно будет размышлять исследователям без учета полученных Е.Н. Проскуриной результатов. Цитируем их: «...Состояние

смерти ... — это состояние ожидания возрождения, которое должно произойти, однако, в ином пространстве, в глубинных пластах мироздания..., которых не коснулось тлетворное дыхание перерожденной жизни...» (109).

Основательным подтверждением мистериального «дыхания» платоновского текста служит в монографии анализ языка повести. Автор работы приходит к знаменательным выводам: «оксюморонность платоновской риторики, отсутствие в повести однозначных характеристик персонажей» — все это, «свидетельствуя о преобразовании бинарных структур в триадные, — вербально-символическое проявление Божественного» (155).

Итак, подведем итоги. Перед нами работа явно незаурядная. Оригинальность основной идеи, направленной на выявление «воскресительного» феномена в одном из самых мрачных произведений Платонова, глубина и тонкость проникновения в саму «фактуру» текста делают книгу Е.Н. Проскуриной заметным явлением в новейшей литературе о создателе «Котлована». Но густая прорисованность библейской семантики у писателя, в

текстах которого мы не найдем разговоров ни о Боге, ни о религии, не может не вызвать ряд жгучих вопросов. Если интерес Платонова сосредоточен на онтологических интенциях Священного Писания и Священного Предания, одним из существенных выражений которого является Мистерия, опровергающая Смерть, ибо несет в себе тайну будущего мироустройства, то могут ли быть внерелигиозными пути постижения сакральной тайны? Если же не могут, то возможно ли представить писателя мыслящим в вербальности, предложенной исследователем: «...Текст строится таким образом, что Богобытие выявляет в нем себя на уровне семантического минус-приема, как доказательство евангельского тезиса: «Без Мене не можете творить ничего» (176)? Может ли художник гениальной масштабности дарования быть безоговорочно верующим? Можно ли считать вывод о «геоцентричности» «Котлована» доказанным, или в соотносительности платоновского вопрошания: как роду человеческому достойно обустроиться во Вселенной — и православной мысли об этом есть еще недостающие звенья?

© Хрящева Н.П.

Уральский государственный педагогический университет, 2002.